

УДК 72.036

ЗАГОРОДНЫЙ ДОМ (ДАЧА)– АВТОНОМНОЕ ПРОСТРАНСТВО МОДЕРНОГО СУБЪЕКТА

А. К. Касаткина

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
alexkasatkina@gmail.com

Рассматривается мировая тенденция горожан проводить досуг в загородных домах. Предлагается рассмотреть загородный дом (дачу) как компенсаторное пространство, необходимое современному человеку для совладания с повседневными вызовами модернизирующихся обществ. На основании анализа полевых и архивных материалов и исследовательской литературы высказывается предположение о том, что проекты модерности, реализованные в XX в. на территории СССР и в западных странах, невзирая на очевидные различия, способствовали формированию одного и того же типа современного субъекта.

Ключевые слова: модернизация, загородный дом, дача, субъективность, современность, советский современный проект.

К историографии «невидимого объекта»

Загородные дома или дачи находятся в стороне от событий большой истории и редко становятся объектом исследовательского внимания: иностранцам их не показывают, а привычный глаз местного исследователя их не замечает. Американский антрополог Н. Гальц вспоминает удивление российских эмигрантов в США, с которыми она обсуждала тему своей диссертации, посвященной дачной культуре, в середине 1990-х гг. [Galtz, 2000, с. 8–9]. Подобное удивление: «А что тут можно изучать?..» – встречалось и мне в середине 2000-х¹. В диссертации, защищенной в 2000 г., Гальц отмечает, что для россиян дачи – настолько неотъемлемая часть повседневной рутины, что можно говорить об их «невидимости», «неразличимости» [Galtz, 2000]. Именно это свойство дач позволило ей использовать собранный в дачных поселках полевой материал в своей диссертации для проверки и разработки философских подходов к изучению повседневности.

Работа Гальц стала одной из пионерских в исследовании российских дач как культурного явления. В 1990-е гг. ими интересовались главным образом экономисты, которые занимались изучением перехода российского общества от социалистической к рыночной экономике и исследовали роль дачи в жизнеобеспечении городских семей [Rose, Tikhomirov, 1993; Seeth, Chachnov etc., 1998; Clark et al, 2000]. Правда, архитектор А. Высоковский писал в начале 1990-х о важной социальной роли дачи как высокоперсонализированной жилой среды, где советские горожане получали возможность реализовать «инстинкт средообразования», в противоположность монотонной массовой застройке советских городов, но его рассуждения содержат мало ссылок на конкретные источники, так что он предлагает скорее гипотезы для проверки, чем ответы на вопросы [Vysokovskii, 1993]. Русский перевод книги, содержащей эту статью, вышел только в 2002 г., когда ситуация в исследовании дачной культуры кардинально изменилась [Высоковский, 2002].

После 2000 г. с появлением целого ряда работ по истории и культуре российской дачи эта область исследования постепенно входит в «зону видимости» и занимает свое место среди важных для понимания советского и российского общества тем. Монографию о культурной истории российских дач с петровских времен до наших дней опубликовал британский историк С. Ловелл [Lovell, 2003] (эта книга переведена на русский язык [Ловелл, 2008]). Для Дж. Зависка различные курсы о дачном труде становятся зеркалом отношения современных россиян к новым капиталистическим ценностям, а также состояния социальной стратификации в российском обществе [Zavisca, 2003]. В 2010 г. выходит книга американского антрополога М. Колдуэлл, основанная на богатых полевых материалах. Колдуэлл уделяет особое внимание дачной темпоральности и чувству автономности, которое ценят дачники. Она ставит вопрос о роли, которую играет дача в повседневном приспособлении россиян к условиям стремительных социальных, культурных и экономических перемен, в которых они сейчас оказались [Caldwell, 2011]. Наконец, в 2013 г. опубликована ещё одна важная книга по культурной истории дач – монография О. Малиновой-Тзиафета, где она рас-

сматривает дачный бум конца XIX в. в контексте становления российского среднего класса и института общественного мнения [Малинова-Тзиафета, 2013].

Загородные дома и «множественные модерности»

В предлагаемом тексте я бы хотела продвинуться немного дальше в обозначении ниши, которую занимает дачная тема в поле исследований российского и советского общества. Я буду говорить о том, что рассмотрение дачи как пространства повседневного переживания модерности позволяет анализировать сходства и различия модернизационных проектов и последствий их реализации в повседневной жизни людей и тем самым помогает увидеть советскую историю как часть мировой истории XX в.

Широкое понимание модерности (*modernity*) допускает создание «модерной» цивилизации не только на основе рыночной экономики, но и в социалистическом обществе. Эту идею разрабатывает, например, Ш. Эйзенштадт в статье, где Новое время рассматривается как период, когда разворачивается история реализаций разных проектов модерности и складываются «множественные модерности» (*multiple modernities*) [Eisenstadt, 2000, с. 3–5]. И капиталистические, и социалистические модернистские проекты объединяет вера в возможность создания общества благоденствия средствами технологического прогресса и рационального планирования. По мнению З. Баумана, коммунизм был не просто модернистским проектом, но наивысшим выражением современного стремления к рациональности и управляемости [Bauman, 2003, с. 167].

Именно модернизационная теоретическая рамка показалась мне наиболее продуктивной для осмысления сходств и различий, которые бросились мне в глаза, когда я работала с первичными и вторичными источниками, касающимися культуры загородных домов в разных странах. Эти наблюдения я и предлагаю вниманию читателя. Надо, однако, признать, что источники, которыми я пользовалась, очень разнородны и интересующая меня проблематика в них разработана с разной глубиной, да и исторический и географический масштаб сравнения заставляет с подозрением относиться к любым генерализациям. Впрочем, именно так я и предлагаю воспринимать выводы, сделанные в этой статье: как предварительные гипотезы, которые предстоит проверить в ходе более детального изучения темы на более широком материале (или, напротив, на нескольких тщательно отобранных примерах).

Источники

Первичные источники у меня имеются только по советским и российским садовым участкам. Это результаты полевой работы в садоводческих товариществах Ленинградской области, которую я проводила в 2007–2012 гг. в рамках своего диссертационного проекта, посвященного культуре горожан в загородных условиях, и работы с материалами архива Исполкома Ленсовета².

В моем распоряжении есть интервью с 24 информантами – владельцами садовых участков в Ленинградской области. Большинство их родились в период между 1930 и 1950 гг., дачи имеют с 1980-х гг. И мои интервью были сфокусированы на истории их дач. В архиве я смотрела документы, касающиеся дач, с 1956 по 1991 г. Архивные данные и свидетельства моих информантов стали моими источниками по культурной и социальной истории советских и российских дач. Полезным было и уже упоминавшееся исследование С. Ловелла по истории дач, которое опирается на сходный круг материалов, а также на художественную литературу 1960–1980-х гг. и содержит много интересных наблюдений [Lovell, 2002; Lovell, 2003].

В Европе исследование загородных домов как социального явления началось в 1970-е гг., но мне на сегодняшний день удалось получить доступ к работам, описывающим реалии главным образом 1990–2000-х гг. в Норвегии, Англии, Ирландии, США, Канаде.

Дача в советском проекте модерности

Российская дача уходит корнями к поместьям служилого дворянства XVII–XVIII вв. Во второй половине XIX в. происходит демократизация загородного отдыха, из привилегии элиты он становится насущной необходимостью широких слоев среднего класса. Жители больших городов на лето стремятся уехать за город, и те, кто не может позволить себе купить дом, снимают летнее жилье. Революция положила конец прежней элитной культуре, но в 1930-е гг. в условиях сталинского возвращения иерархии и элиты начинается возрождение и элитной дачи: за особые заслуги жалуют государственные дачи разной степени роскоши. Новая волна демократизации дачи началась в 1950-е гг. с раздачей садовых участков городским рабочим и служащим. Нацеленные главным образом на решение проблемы продовольственного снабжения городов, эти участки постепенно сли-

лись с дачами и стали излюбленным местом проведения досуга миллионов горожан (подробнее о ранней истории дачи см [Машинова-Тэзафета, 2013], об общей исторической канве [Lovell, 2003]).

Примерно тогда же, в конце 1950-х гг., в советском государстве получило официальное признание понятие досуга, свободного времени, которое полагалось посвящать «духовному <...> и физическому саморазвитию» (определение свободного времени из БСЭ, цит. по. [Каснэ, 2009]). Сборник статей под редакцией Д. Кроули и С. Рейд полностью посвящен роли досуга и удовольствий в распространении в послевоенном советском обществе потребительских ценностей [Crowley, Reid, 2010, p. 11]. Массовую доступность загородного отдыха, которую обеспечила раздача садовых участков, можно рассматривать как один из признаков становления общества потребления в СССР.

Дачи достались советской России от дореволюционной культуры досуга и, как само понятие досуга, представляли проблему для официальной идеологии [Каснэ, 2009, с. 107]. С. Ловелл замечает, что официальный советский дискурс, особенно в 1960-е гг., балансировал на идеологической грани, приветствуя распространение дач как свидетельство растущего уровня жизни и в то же время порицая их как «буржуазное излишество». Таким образом, в системе координат советского модернистского проекта дача стала областью смещения модернизации и традиционализма [Lovell, 2003, с. 107, 161].

Садовые участки изначально не отождествлялись с дачами и представляли собой компромиссный для идеологии вариант, где традиционалистский элемент был сведен к минимуму, а черты, специфичные для социалистического идеала модерности, преобладали. Участки предназначались для того, чтобы горожане проводили досуг в полезном, желательном коллективном, производительном труде, т.е. возделывали землю и выращивали овощи и фрукты. В первых коллективных садах 1950-х не всегда было даже деление на участки, а участие в коллективных работах было частью обязанностей члена садоводческого товарищества и специально отмечалось в его членской книжке. Индивидуальные жилые строения не предполагались, ведь у горожан уже было жилье в городе, а второй дом считался буржуазным излишеством.

Документы и воспоминания свидетельствуют, однако, что в повседневной практике люди восприняли садовые участки именно как возможность получить загородный дом и, несмотря на запреты, тут же принялись возводить на них жилье. Бесконечная борьба власти с садоводами за «единственно верное» понимание организации быта на садовом участке отразилась в архивных документах, в изобилии фиксирующих факты нарушений (в первую очередь строительство жилых домов и бань). К 1980-м гг. окончательное слияние садовых участков и дач были вынуждены признать даже руководящие органы [Касаткина, 2010]. И все же в том, что касается организации досуга на садовом участке, пожелания власти в основном совпали с чаяниями народа: как показывают мои полевые данные, садоводы старших поколений до сих пор воспринимают труд на своих участках как неотъемлемую часть дачного досуга, разновидность отдыха и хобби. Быть может, провалившись в области создания человека коллективного и довольствующегося малым, советский модернистский проект преуспел в формировании позитивного восприятия труда, хотя бы в дачных условиях? Позже я вернусь к парадоксу дачного труда, поместив его в более широкий культурный контекст в надежде, что это позволит его прояснить.

Загородный дом и современное общество

В Европе, США и Канаде загородные дома получили массовое распространение приблизительно в тот же период, в 1960–1970-е гг., в связи с общим послевоенным ростом благосостояния [Mottiar, Quinn, 2003]. Исключение составляет Германия, где так называемые «сады Шребера» для городских рабочих появились ещё в середине XIX в. как государственный социальный проект, нацеленный на нейтрализацию негативных эффектов урбанизации. Правила, которые до сих пор регламентируют доступ к этим садам и их использование, очень похожи на правила, действовавшие в советских садоводствах.

В работах о вторых домах 1990–2000-х гг., написанных на материале разных стран, в том числе России, практика регулярных посещений загородного дома рассматривается преимущественно как бегство (*escape*) современных горожан от различных проблемных аспектов современного общества. Авторы этих работ сосредоточены прежде всего на критическом восприятии горожанами ценностей общества потребления и коммодификации труда и времени, характерной для общества, пережившего индустриализацию, и приходят к выводу о том, что в жизни современного горожани-

на загородный дом играет компенсаторную роль. Я сочла продуктивной стратегией для задуманного мной сравнения выделение общих тем, вокруг которых концентрируются дачные нарративы и практики, связанные с компенсаторностью, и которые, как представляется, отражают общие противоречия, характерные для разных современных проектов.

Наиболее высокая концентрация компенсаторных смыслов в моем материале наблюдается вокруг темы **контроля**. Труд индустриальной эпохи коммодифицирован, обезличен и разделен на стандартные операции. Привилегия полностью контролировать процесс производства доступна немногим, и разработка идеи обычно отделена от её реализации. Индустриальное время подчиняет расписание человека трудовым графикам и предполагает четкое отделение труда от досуга. И. Джохадзе в своем философском эссе противопоставляет капиталистический рациональный труд, по сути порабощающий, идеалу свободного труда, неотделимого от досуга [Джохадзе, 2004].

Для советского и современного дачника садовый домик и участок – это его личный проект, где он может все продумать и сделать самостоятельно. И в России, и в Европе труд в загородном доме – уход за домом и садом, хозяйственные заботы – имеет исключительно личную ценность, принципиально некоммодифицирован (урожай всегда раздается, продается лишь в исключительных случаях), не подчиняется какому-либо внешнему графику и не отделяется от досуга [Chaplin, 1999, p. 48; Williams, Kaltenborn, 1999, p. 221]. Некоторые дачники намеренно не держат в дачных домах приборы, показывающие время, акцентируя тем самым возможность самим контролировать свой график [Chaplin, 1999, p. 44–45; Williams, Kaltenborn, 1999, p. 221]. Особая ценность дачной жизни – иной ход времени, более неспешный ритм жизни, чем в городе. В загородном доме словно бы происходит возвращение к свободному доиндустриальному труду, который позволяет горожанину почувствовать себя хозяином собственной жизни, свободным в своей творческой инициативе.

В советском государстве тема контроля получала дополнительное измерение. Советский модернизационный проект предусматривал преобразование человеческой природы, создание нового, коллективного, человека, свободного от частной жизни и личных интересов. Идеальной средой для реализации этого проекта было сжатое городское пространство многоквартирных домов и коммунальных квартир, где легко наладить горизонтальный контроль. Дачные и садовые дома давали больше возможностей для ощущения приватности, личного пространства, автономии [Lovell, 2002, p. 119]. Предпринимавшиеся попытки контролировать деятельность садоводов на их участках в конечном итоге неизменно терпели неудачу, так что регламентация становилась менее жесткой с каждым очередным типовым уставом [Касаткина, 2010].

Наученные опытом социальных потрясений XX в., мои российские информанты говорят о важности ощущения автономии, независимости от государства, которое дает им своя земля, воспринимаемая как наиболее надежный источник пропитания. В современном мире в связи с развитием глобального рынка тема контроля в сфере питания снова обрела актуальность. Люди подчеркивают, что, только выращивая собственные овощи, они могут контролировать качество пищи, которую потребляют. Сходным образом в США движение городского огородничества (*urban gardening*) возникло в 1970-е гг. сначала как попытка разрешить проблему бедности (советские сады и огороды для горожан тоже изначально были призваны разрешать проблему снабжения городов), а потом стало осмысляться как реакция на проблемы экологии и контроля качества пищи, поступающей на рынок [Jamison, 1985; White 2011].

Вторая тема, которую я выделила, – это **жилая среда**. Советская урбанизация и массовое жилищное строительство породили проблему некачественного, неудобного и невзрачного жилья [Высоковский, 2001, с. 165]. Дачный дом или даже крохотный садовый домик-вагончик позволял советским горожанам обрести домашний уют [Lovell, 2002, p. 112]. Неудивительно, что самыми частотными нарушениями, фиксируемыми в протоколах заседаний Ленгорисполкома, являлись нарушения запрета строить на садовых участках жилые дома³. Пространственная организация городов (как и садовых поселений), стандартные типовые дома советской постройки и по-прежнему острый квартирный вопрос – пожалуй, наиболее видимый след, который советский современный проект оставил в российской повседневности. Дачные дома по-прежнему используются и для расширения жилого пространства семьи, и для повышения его качества.

Проблема массового жилищного строительства, целью которого было создание общества благосостояния, а результатом стало создание низкокачественной стандартизированной жилой среды, существует и в США, и в Европе, достаточно вспомнить печально известный американский квар-

тал Прюитт-Игоу в Сент-Луисе, построенный в 1955 г. [Larsen, Kirkendall, 2004, p. 61–63]. В доступных мне исследованиях западных вторых домов эта проблема специально не выделена, что может объясняться спецификой социальной среды, в пределах которой они выполнялись: чаще всего их авторы работали с представителями среднего класса, которые могут позволить себе выбрать более комфортный район проживания. Но и там исследователи замечали, что загородный дом формирует более сильную эмоциональную привязанность, чем городское жилище, хотя и связывали это скорее с проблемой чувства места в глобальном мире – моей следующей темой.

Процессы урбанизации и глобализации привели к **изменению пространственной и временной идентичности** современного человека. В условиях стремительной советской урбанизации разрыв между традиционным миром деревни и динамичным городским миром, который лежит в основе существования современной цивилизации, был особенно значительным [Lovell, 2002, p. 106]. Дачу, которая находится в сельской местности, можно рассматривать как попытку преодолеть этот разрыв, который в культуре и обществе переживается как потеря корней, аутентичности. Обращаясь к советской художественной литературе 1960–1980-х гг., С. Ловелл отмечает, что дачный дом, построенный своими руками, описывается там как возвращение к забытым корням и аутентичным патриархальным ценностям деревенского мира [Lovell, 2002, p. 114]. Трудно сказать, насколько такое восприятие было распространено в действительности, но и сейчас в прессе и повседневном общении часто можно услышать, как любовь многих российских горожан к сельскохозяйственному труду на садовых участках объясняется именно их недавним деревенским прошлым.

В современном мире проблематика связи с местом и корнями получила новые оттенки в условиях высокой мобильности, продолжающейся глобализации, стремительных социальных и культурных перемен. По-прежнему важны ассоциации с патриархальным прошлым и локальной крестьянской аутентичностью, которые вызывает сельская местность вокруг дачи [Mottiar, Quinn, 2003; Williams, Kaltenborn, 1999, p. 221]. В западном загородном доме стремление к традиционной сельской аутентичности определяет предпочтение старинных предметов и крестьянского стиля в интерьере [Garvey, 2008, p. 212]. Кроме того, нарочито простой быт позволяет расслабиться, отдохнуть от потребительской гонки за последними новинками прогресса. Здесь отказываются от бытовой техники (впрочем, в последнее десятилетие это меняется), сюда специально привозят старую мебель, не сочетающиеся друг с другом предметы [Chaplin, 1999, p. 50].

Российская дача с советских времен тоже служит пристанищем отживших свое городских предметов интерьера, но это скорее объясняется печальной необходимостью в условиях сначала экономики дефицита, а потом кризисной экономики. Отсутствие городских удобств в советском и постсоветском садовом доме – также скорее неизбежность, чем сознательный выбор. Сейчас, однако, все это иногда получает позитивное осмысление – как обязательная черта дачного быта, делающая его более аутентичным, а старые вещи и мебель на современной даче могут становиться источником особого рода ностальгии, особенно для молодых поколений. Можно констатировать, что простота дачного быта и незатейливость интерьера сейчас и в России становятся традициями, которые поддерживаются в изменяющемся экономическом контексте и получают ностальгическое осмысление, близкое к западному. И в России, и на Западе загородный дом играет важную роль как место сбора семьи и накопления семейной памяти, где сильнее ощущается преемственность поколений [Williams, Kaltenborn, 1999, p. 223].

Вывод

Загородные дома, распространившиеся и в СССР, и в странах Запада в период послевоенного роста благосостояния, стали пространством повседневных реакций горожан на внутренние противоречия современных проектов и проблемы модернизирующихся обществ, связанные с урбанистической жилой средой, кризисом идентичностей, ценностным кризисом общества потребления. В этих незаметных анклавах современный субъект находит убежище от всепроникающего контроля и властного регулирования больших систем, строит собственную автономную среду, создавая иллюзию контроля в её ограниченных пределах, и одновременно реализует свои личные, также современные по сути, проекты. Загородный дом помогает разрешить одно из основных противоречий современного культурного проекта: между верой в возможность преобразования человека и общества путем систематического рационального управления и высвобождением индивидуального творческого начала [Eisenstadt, 2000, p. 7–8].

И в России, и на Западе дачная культура всегда тяготела к традиционным ценностям, давая

людям возможность отдохнуть от стремительного городского ритма, приблизиться к ощущению патриархальной стабильности, осмыслить перемены [Caldwell, 2011]. Вместе с тем дача или загородный дом не становится частью деревенской культуры, это анклав городской культуры в сельской местности.

При всем различии исторических, социальных, экономических, идеологических контекстов, компенсаторные эффекты постсоветских и западных загородных домов в конечном счете оказываются очень схожими. Это свидетельствует о том, что и советский, и западные современные проекты, используя разные средства и провозглашая разные цели, преуспели в создании современного субъекта приблизительно одного и того же типа.

Примечания

¹ Немецкий историк литературы Вернер Бигелл рассказывал мне об аналогичной «незаметности» немецких аналогов массовой дачи — «садов Шребера» (*Schrebergärten*) — и о реакциях удивления и почти намеренного игнорирования, которые они вызывают у местных интеллектуалов.

² Центральный городской архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. 7384.

³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 41. Д. 299; Оп. 46. Д. 119; Оп. 47. Д. 126; Оп. 51. Д. 682; Оп. 55. Д. 178; Оп. 56. Д. 186, 684 и др.

Библиографический список

- Высоковский А. Уют не герой // Жилище в России. Век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001.
- Джохадзе И. Homo faber и будущее труда // Логос. 2004. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2004/6/dzh1.html> (дата обращения: 12.03.2014).
- Касаткина А.К. Как садовый участок превратился в дачу // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: матер. науч. конф. студентов и аспирантов (15–16 апреля 2010 г., Санкт-Петербург). СПб., 2010.
- Касэ И. Границы советской жизни: представления о «частном» в изоляционистском обществе // НЛЮ. 2009. № 100.
- Ловелл С. Дачники: История летнего житья в России 1710–2000. СПб., 2008.
- Малинова-Тзиафета О. Из города на дачу. Социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013.
- Caldwell M. *Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside*. University of California Press, 2011.
- Chaplin D. Consuming work/productive leisure: the consumption patterns of second home environments // *Leisure Studies*. 1999. Vol. 18.
- Clarke S. *Varshavskaya L. et al. The Myth of the Urban Peasant* // *Work, Employment and Society*. 2000. Vol. 14, № 3.
- Crowley D., S. Reid. Introduction: Pleasures in Socialism? // *Pleasures in Socialism: Leisure and Luxury in the Eastern Bloc* / ed. by D. Crowley, S. Reid. Northwestern University Press, 2010.
- Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. 129. 1.
- Galtz N.R. *Space and the Everyday: an Historical Sociology of the Moscow Dacha*: PhD diss. University of Michigan, 2000.
- Garvey P. The Norwegian Country Cabin and Functionalism: a Tale of Two Modernities // *Social Anthropology*. 2008. Vol. 16, № 2.
- Jamison M. The Joys of Gardening: Collectivist and Bureaucratic Cultures in Conflict // *The Sociological Quarterly*. 1985. Vol. 26, № 4.
- Larsen L. H., Kirkendall R. S. *A History of Missouri: 1953 to 2003*. University of Missouri Press, 2004. Vol. 6.
- Lovell S. Soviet Exurbia: Dachas in Postwar Russia // *Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc* / ed. by D. Crowley, S. Reid. Berg, 2002.
- Lovell S. *Summerfolk. A History of the Dacha, 1710-2000*. Ithaka; London: Cornell University Press, 2003.
- Mottiar Z., B. Quinn. Shaping leisure/tourism places - the role of holiday home owners: a case study of Courtown, Co. Wexford, Ireland // *Leisure Studies*. 2003. Vol. 22.
- Rose R., Tikhomirov Ye. Who Grows Food in Russia and Eastern Europe? // *Post-Soviet Geography*. 1993. Vol. 34. No. 2.
- Seeth H., Chachnov S., Surinov A., Braun J. von. Russian poverty: Muddling through economic transition with garden plots // *World Development*. 1998. Vol. 26, No. 9.
- Vysokovskii A. Will domesticity return? // *Russian Housing in the Modern Age, Design and Social History* / ed. by C. Brumfield & B.A. Ruble. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- White M. *Sisters of the Soil: Urban Gardening as Resistance in Detroit* // *Race/ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts*. 2011. Vol. 5, № 1.

Williams D., Kaltenborn B. Leisure Places and Modernity: the Recreational Cottages in Norway and the USA // Leisure/Tourism Geographies: Geographical Knowledge / ed. by C. Crouch. Routledge, 1999.

Zavisca J. Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: the Meaning of Food Cultivation for Urban Russians // Slavic Review. 2003. Vol. 62, № 4.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.10.2013

COUNTRY HOUSE (DACHA) AS A SPACE OF AUTONOMY FOR A MODERN SUBJECT

A. K. Kasatkina

Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Naberezhnaya, 3, 199034, Saint-Petersburg, Russia
alexkasatkina@gmail.com

Many citizens in modern cities tend to spend their leisure time in their country houses (dachas in Russian). This kind of second houses normally fulfill a compensatory function and can be regarded as a space of day-to-day experience of modernity. In this way country houses give valuable data for comparison of different modernity projects, such as those implemented in the USSR and Western countries, and their consequences in everyday lives of ordinary people. On the basis of the variety of sources including field-work and archival data for the Soviet and Russian case and research literature from Western countries an attempt of such a comparison is undertaken in the article. Several general issues common for country house/dacha narratives in both Russia and Western countries were identified; every issue deals with a contradiction typical for modernizing societies. Firstly, life in a country house gives more opportunities for modern citizens to control their schedule, occupations, quality of food. Secondly, a country house provides a friendlier environment which forms stronger emotional ties in comparison with depersonalized spaces of a modern city. Then, both dacha and country house act as an important source of authenticity in the global urbanized world. One can see it in the trend to furnish country houses with old rural items. The last issue is consumption. Western people perceive their country houses as a place to relax and leave the race for brand new consumption items behind. The Russians' habit to bring their old stuff to their dachas was first caused by the Soviet economy of shortage and later Russian crisis economy. However those old things nowadays tend to be perceived as vintage and to evoke nostalgic feelings. Western and Soviet modern projects succeeded in creating the same kind of a modern subject who is seeking escape from the control of big systems to build his/her own autonomous enclave and to implement his/her own personal projects. Due to the limited variety of sources on Western country-houses this conclusion is rather a hypothesis and needs further testing.

Key words: modernization, dacha, subjectivity, country house, second house, modernity, Soviet modern project.

References

Caldwell M. Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside. University of California Press, 2011.

Chaplin D. Consuming work/productive leisure: the consumption patterns of second home environments // Leisure Studies. 1999. Vol. 18. P. 41–55.

Clarke S. Varshavskaya L. et al. The Myth of the Urban Peasant // Work, Employment and Society. 2000. Vol. 14, № 3. P. 481–499.

Crowley D., S. Reid. Introduction: Pleasures in Socialism? // Pleasures in Socialism: Leisure and Luxury in the Eastern Bloc / Ed. by D., S. Reid. Northwestern University Press, 2010.

Dzhokhadze I. Homo faber i budushchee truda // Logos. 2004. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2004/6/dzh1.html> (data obrashcheniya: 12.03.2014).

Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. 129. 1. P. 1–29.

Galtz N.R. Space and the Everyday: an Historical Sociology of the Moscow Dacha. PhD dissertation, University of Michigan, 2000. P. 8–9.

Garvey P. The Norwegian Country Cabin and Functionalism: a Tale of Two Modernities // Social Anthropology. 2008. Vol. 16. № 2. P. 203–220.

Jamison M. The Joys of Gardening: Collectivist and Bureaucratic Cultures in Conflict // The Sociological Quarterly. 1985. Vol. 26. № 4. P. 473–490.

Kasatkina A.K. Kak sadovyy uchastok prevratilsya v dachu // Konstruiruya «sovetskoe»? Politicheskoe soznanie, povsednevnye praktiki, novye identichnosti: Mater. nauch. konf. studentov i aspirantov (15–16 aprelya 2010 g., Sankt-Peterburg). SPb, 2010. P. 57–62.

Kaspe I. Granitsy sovetskoy zhizni: predstavleniya o «chastnom» v izolyatsionistskom obshchestve // NLO. 2009. № 100. P. 527–547.

- Larsen L. H., Kirkendall R. S.* A History of Missouri: 1953 to 2003. Vol. VI. University of Missouri Press. 2004.
- Lovell S.* Dachniki: Istoriya letnego zhit'ya v Rossii 1710–2000. SPb., 2008.
- Lovell S.* Soviet Exurbia: Dachas in Postwar Russia // *Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc* / Ed. by D. Crowley, S. Reid. Berg, 2002. P. 105–121
- Lovell S.* Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaka and London: Cornell University Press, 2003.
- Malinova-Tziafeta O.* Iz goroda na dachu. Sotsiokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914). SPb., 2013.
- Mottiar Z., B. Quinn.* Shaping leisure/tourism places - the role of holiday home owners: a case study of Courtown, Co. Wexford, Ireland // *Leisure Studies*. 2003. Vol. 22. P. 109–127.
- Rose, R. and Ye. Tikhomirov.* Who Grows Food in Russia and Eastern Europe? // *Post-Soviet Geography*. 1993. Vol. 34. No. 2. Pp. 111–126.
- Seeth H., S. Chachnov, A. Surinov, J. von Braun.* Russian poverty: Muddling through economic transition with garden plots // *World Development*. 1998. Vol. 26. No. 9. Pp. 1611–1623.
- Vysokovskii A.* Will domesticity return? // *Russian Housing in the Modern Age, Design and Social History* / ed. by C. Brumfield & B.A. Ruble. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. Pp. 271–308.
- Vysokovskii A.* Uyt ne geroy // *Zhilishche v Rossii. Vek XX. Arkhitektura i sotsial'naya istoriya*. M., 2001.
- White M.* Sisters of the Soil: Urban Gardening as Resistance in Detroit // *Race/ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts*. 2011. Vol. 5. № 1. P. 13–28.
- Williams D., B. Kaltenborn.* Leisure Places and Modernity: the Recreational Cottages in Norway and the USA // *Leisure/Tourism Geographies: Geographical Knowledge* / Ed. by C. Crouch. Routledge, 1999. P. 214–231.
- Zavisca J.* Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: the Meaning of Food Cultivation for Urban Russians // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. No. 4. Pp. 786–810.